

Гу Ци даже ухом не повел, зато Лю Чэнь вскипел мгновенно. Уперев руки в бока, он выпалил:

— Тебе-то какое дело? На себя погляди, недоросль стобалльный! Пустышка!

Гу И вспыхнул от злости и унижения:

— И что с того, что сто баллов? Я всё равно уеду учиться за границу! А ты так сможешь, нищеврод деревенский?

— Ах ты ж выкидыш недоношенный, чтоб тебе пусто было! — взвился Лю Чэнь. — Да я твою родню до седьмого колена... Мамаша твоя под мостом за грош отдается, шлюха привокзальная!..

Лю Чэнь, родом из Сычуани, был худым и чернявым — вылитая обезьянка. Однако глотку имел лужёную. От его цветистой ругани Гу И едва не лопался от ярости. Лю Чэнь выкрикивал оскорбления прямо на бегу: едва Гу И пытался его догнать, парень улепётывал, но стоило тому остановиться, как Лю Чэнь снова упирал руки в бока и продолжал поливать его грязью.

Сяо Ци нерешительно покосился на Гу Ци, но тот даже не повернул головы, продолжая принимать товар. Делать нечего — пришлось утаскивать разъярённого Гу И. С трудом, но ему всё же удалось увести брата.

Даже уходя, они слышали, как Лю Чэнь топает ногами и сыплет проклятиями им вслед. В школе многие знали о натянутых отношениях между Гу Ци и его семейкой, и Лю Чэню было до глубины души обидно за друга.

Сам же Гу Ци оставался абсолютно невозмутим. Он велел Лю Чэню заносить коробки в дом. Заметив, что друг всё ещё кипит от возмущения, он мягко улыбнулся и тихо произнёс:

— Не обращай внимания. Пустое.

Глядя на эту улыбку, Лю Чэнь внезапно осёкся, и готовая сорваться с языка очередная порция ругательств застряла в горле. По спине пробежал внезапный холодок. Ему казалось, что в последнее время Гу Ци... пугающе сильно изменился.

Сяо Ци шёл следом за Гу И. Краем глаза он уловил суету у ворот виллы семьи Гу — служанки хлопотали во дворе, украшая его к празднику. Грудь затапливал восторг, который невозможно было сдержать.

Сегодняшний вечер принадлежал ему. Это был его личный праздник, настоящий триумф Сяо Ци! И больше никто, абсолютно никто не посмеет забрать у него то, что принадлежит ему по праву.

Невольно ускорив шаг, юноша переступил порог родного дома.

Как раз в этот миг затяжная трёхдневная морось наконец прекратилась. Тучи разошлись, явив миру яркое, ослепительное солнце. Настроение Сяо Ци взлетело до небес. Когда они проходили мимо сада, деревья тихонько покачивали ветвями, точно приветствуя его и разделяя предвкушение этого великого вечера.

С наступлением сумерек у виллы семьи Цзян Гу Ци в очередной раз принялся обходить территорию, проверяя надёжность железных ворот и оконных задвижек. В разгар этого обхода у обочины притормозил автомобиль.

— Гу Ци! — из приоткрытого окна машины высунулся мужчина средних лет. — Подойди-ка сюда, это я.

Гу Ци обернулся и, помедлив пару секунд, узнал гостя:

— Дядя Ли!

Глядя на приближающегося юношу, Ли Тяньсюн почувствовал, как болезненно сжалось сердце. Такой послушный, славный мальчик... Сколько же несправедливости и обид ему пришлось вытерпеть от собственной семьи? Уму непостижимо, о чём только думают эти твердолобые Гу!

— А Ци, тебя ведь снова обидели дома, верно? — мягко спросил Ли Тяньсюн. — Хочешь, поживёшь у меня пару дней? У меня как раз выдалось свободное время, съездим куда-нибудь, развеешься.

Гу Ци ласково улыбнулся ему. Этот человек когда-то был бедным студентом, которому помог получить образование дедушка Гу Ци. Дядя Ли оказался на редкость благодарным: он часто навещал старика, а поскольку дед души не чаял в младшем внуке, то и мужчина относился к нему со всей теплотой. Ирония судьбы: среди многочисленной родни Гу не нашлось никого, кто заботился бы о Гу Ци искреннее этого постороннего человека.

Но в памяти Гу Ци отчётливо всплыло страшное воспоминание из прошлой жизни: дядя Ли погиб именно сегодня, на праздничном банкете в доме Гу.

— Хорошо, — тихо отозвался Гу Ци. — Если всё сложится... я обязательно приеду к вам через

несколько дней.

Он залез в карман, достал лучшую из своих заготовок — искусно выточенный кинжал — и протянул мужчине.

— Смастерил на досуге, просто так. Возьмите, дядя Ли. И, пожалуйста, держите его при себе. Всегда.

Подарок показался Ли Тяньсюну странным, но отказываться он не стал. С улыбкой приняв кинжал, он убрал его за пояс.

Попрощавшись с дядей Ли, Гу Ци запер железные ворота, проверил засовы и вернулся на виллу. В гостиной Лю Чэнь как раз заканчивал телефонный разговор. Заметив друга, он торопливо нажал на отбой и взволнованно произнёс:

— Нам звонили из полиции. Сказали, по поводу вчерашнего нападения в школе началось разбирательство. Просят приехать и дать показания.

Вчера, сбежав из школы, они действительно сообщили в полицию, что по территории бегают неадекватный с симптомами бешенства. После этого Гу Ци увёз Лю Чэня, не интересуясь развитием событий. Семья старосты жила в другой провинции, так что парня, по идее, должны были изолировать в специализированной клинике. Там ему было самое место — по крайней мере, для безопасности окружающих.

— Угу, — безучастно отозвался Гу Ци. — Завтра съездим.

Если для них вообще наступит это завтра.

Получив второй шанс, Гу Ци слишком ясно осознал собственное бессилие. У него не было ни сил, ни ресурсов, чтобы спасти человечество. Даже его предупреждения на форумах безжалостно подчистили модераторы, а редкие комментаторы лишь крутили пальцем у виска, принимая его искренний призыв о помощи за бред сумасшедшего.

— Слушай, а ты сегодня... домой не собираешься? — нерешительно спросил Лю Чэнь и тут же замахал руками, тушуясь: — Ой, я не из любопытства! Просто случайно услышал краем уха...

Ещё с утра, после короткой встречи с Сяо Ци и Гу И, у ворот соседнего особняка то и дело шуршали шинами дорогие автомобили — съезжались гости на торжество. Лю Чэнь искренне переживал, что Гу Ци из-за этого тяжело на душе.

Гу Ци горько усмехнулся.

— У меня уже давно нет дома, — едва слышно прошептал он и повернулся к окну.

Шум праздника доносился даже сюда. Виллу Цзян и виллу семьи Гу разделяла лишь общая стена. Ради совершеннолетия своего любимца госпожа Гу созвала весь цвет местного общества. Едва сгустились сумерки, соседский двор утонул в весёлом гуле.

Обширный сад семьи Гу озарился тысячами праздничных огней, окрасивших небо в тёплые янтарные тона. В самом центре вздымались струи светомузыкального фонтана, рассыпаясь мириадами радужных брызг. Гости в роскошных нарядах неспешно прохаживались по аллеям, ведя праздные светские беседы.

Главный виновник торжества, Сяо Ци, послушным хвостиком следовал за госпожой Гу, смущённо улыбаясь в ответ на комплименты и славословия высокопоставленных гостей.

Формально в семье Гу теперь числилось четверо сыновей. Старший уже всюду управлял семейным бизнесом, за ним шли второй брат Гу И, третий — Гу Ци, а теперь к ним прибавился ещё и Сяо Ци. Отец семейства скончался, когда Гу Ци был совсем крохой. Старший брат вечно пропадал в заграничных командировках и делах компании, поэтому виллой семьи Гу фактически заправляла госпожа Гу, воспитывая младших сыновей в одиночку.

Сяо Ци с тайной тревогой гадал, явится ли на банкет старший брат. При одной мысли о нём юноша испытывал смутную робость. Когда его приняли в семью, старший уже учился в университете и дома почти не появлялся. Между ними не было душевной близости, и, в отличие от матери и безрассудного Гу И, старший брат никогда не баловал его слепой любовью.

«Если он приедет, то наверняка первым же делом отправится к соседям, чтобы вернуть Гу Ци обратно», — с нарастающим беспокойством думал юноша.

В глубине души Сяо Ци страстно желал, чтобы старший брат задержался в делах. Им троим — ему, маме и Гу И — никто посторонний в этом доме не нужен.

Вспомнив о втором брате, Сяо Ци заозирался по сторонам. Убедившись, что мать увлечена беседой с какими-то великосветскими дамами и на время потеряла его из виду, он незаметно выскользнул из банкетного зала и поспешил на третий этаж. Постучав в дверь комнаты Гу И, он услышал раздражённое:

— Заходи!

Переступив порог, Сяо Ци застал брата в весьма плачевном состоянии: тот стоял спиной к двери и, кривясь от боли, пытался натянуть парадный пиджак. Повод обязывал соответствовать дресс-коду — приталенные классические костюмы сидели безупречно, подчёркивая юношеские фигуры и заставляя парней выглядеть взрослее. В свои годы они ещё не пресытились вниманием света и жаждали произвести неизгладимое впечатление на гостей.

Но Гу И умудрился всё испортить вчерашней глупой выходкой. Сяо Ци догадывался, что брат собирался проучить Гу Ци. Сам он подобные методы не одобрял, но считал, что старший имеет полное право проучить неблагодарного родственника, а потому не стал вмешиваться. Кто же мог знать, что ночью Гу И вернётся весь в крови? На его спине и шее зияли страшные рваные раны, похожие на следы человеческих зубов. Выглядело это жутко.

Поскольку Гу И сам затеял драку, жаловаться матери он побоялся. Скрыв травму, он наотрез отказался ехать в больницу, ограничившись тем, что промыл раны холодной водой. Однако за день состояние не улучшилось — воспалённая плоть нещадно горела, причиняя адскую боль при каждом движении.

«Твою мать, у этого придурка точно было какое-нибудь заражение крови», — тоскливо подумал Гу И, всерьёз размышляя, не стоит ли плюнуть на всё и сгонять в клинику за вакциной от бешенства.

Его мрачные мысли прервал тихий голосок от двери:

— Второй брат, ты скоро? Мама нас уже ищет.

Гу И спешно набросил пиджак. Шёлковая подкладка скользнула по открытым ранам, заставив парня зашипеть сквозь зубы. Кое-как запахнувшись, он поспешил к выходу.

— Иду, иду! — проворчал он на ходу. — Слушай, а этот урод деревенский так и не соизволил явиться?

За глаза Гу И всегда звал Гу Ци неотёсанным деревенщиной. Он никогда не забудет их первую встречу: Гу Ци явился на порог их роскошного дома в рваных резиновых калошах, сквозь которые виднелись грязные, давно не стриженные ногти на ногах. Обветренное, красное как свекла лицо, потрескавшиеся губы и засаленная куртка — зрелище было отталкивающим. С той самой секунды Гу И проникся к обрётённому брату брезгливым презрением. Юношеский эгоизм не знал полутонов: если человек ему неприятен, тот должен просто исчезнуть.

— Нет, — тихо отозвался плетущийся следом Сяо Ци, его голос едва различимо прошелестел на фоне тяжёлых шагов брата. — Мама посылала за ним, но он наотрез отказался.

Гу И зло процедил сквозь зубы ругательство — что-то вроде «да пускай только сунется, лично с лестницы спущу» — и стремительно сбежал по ступеням вниз.

В то время как на соседней вилле гремела музыка, Гу Ци находился в спальне Цзян Юя, бережно обтирая его тело влажным полотенцем.

В просторной комнате царил полумрак. Свет лился лишь из панорамного окна: холодный лунный луч ложился на постель под углом, прочерчивая резкую границу между светом и тенью прямо посреди неподвижного тела Цзян Юя.

Мягкое свечение выхватывало рельефные очертания его спины. Слегка наклонённая голова обнажала изгиб шеи с чётко очерченным позвонком, а крепкий разворот плеч казался высеченным из мрамора. Гу Ци методично проводил влажной тканью по горячей, упругой коже.

Последние двое суток Цзян Юй пребывал в пограничном состоянии. На обращённые к нему слова он слабо отзывался, но веки разомкнуть не мог. Единственное, что успокаивало Гу Ци — явные физические изменения. Скелет парня становился крепче, мускулатура наливалась силой, а само тело сделалось заметно крупнее. Налицо были все признаки успешной эволюции. Вот только причина столь затяжного забытья оставалась загадкой.

Едва Гу Ци укрыл парня одеялом, как из коридора донёсся взволнованный вопль Лю Чэня:

— Гу Ци! Быстрее иди сюда! Там у соседей драка началась!

Парень так увлёкся чужим торжеством, что забрался на третий этаж виллы и прильнул к стеклу. Оттуда открывался великолепный вид на просторный внутренний двор виллы семьи Гу.

С его слов, прямо посреди торжественной речи Сяо Ци стоявшая позади него экономка внезапно зарычала и с дикой яростью вцепилась зубами в его шею. Среагировавший быстрее остальных Гу И схватил со стола бутылку шампанского и с размаху обрушил её на голову обезумевшей женщины.

От сильного удара служанка рухнула навзничь, забившись в судорогах. В следующий миг её череп с влажным треском раскололся надвое, и прямо из сочащейся кровью серой массы показались два длинных склизких щупальца. Они мгновенно обвили ноги подбежавшей на помощь гостьи и поползли выше по бедрам.

Пострадавшая застыла в оцепенении, а затем, когда её плоть пронзила невыносимая боль, зашлась в истошном крике:

— А-а-а-а!

— Что там стряслось? — жуя сочный стейк, поинтересовалась одна из дам за дальним столиком. Оторвавшись от тарелки, она с праздным любопытством взглянула в сторону сцены.
— Прислуга взбунтовалась?

Повернувшись к сидевшей рядом приятельнице, она наткнулась на её перекошенное от ужаса лицо. Женщина с диким визгом отпрянула назад. Остальные гости за их столом тоже в панике бросились врассыпную.

— Да что с вами такое?.. — недоуменно пробормотала дама, занеся нож над тарелкой.

В блестящей стальной поверхности лезвия она разглядела собственное отражение. Из её рта, разрывая кожу, лезли мерзкие, сочащиеся чёрной слизью жвала.

«Мяса...»

«Хочу свежего мяса...»

«Как же я голодна...»

Наблюдавший за этой сценой с высоты третьего этажа Лю Чэнь оцепенел. Он видел, как несколько гостей повалили ту несчастную женщину на газон и набросились на неё толпой. Как он ни вглядывался, пытаясь рассмотреть происходящее сквозь листву деревьев, различить удавалось лишь стремительно расползающееся по траве тёмное кровавое пятно.

Изысканный светский раут в одно мгновение превратился в филиал ада на земле. Именинник не успел договорить праздную речь, как во дворе началась кровавая бойня. Обезумевшие гости рвали друг друга зубами на части. Толпа металась в панике, а Лю Чэнь стоял у окна, парализованный первобытным ужасом. Людоедство. Настоящее, кошмарное людоедство разворачивалось прямо у него на глазах!

За все свои восемнадцать лет парень не видел ничего страшнее пьяных дебошей отца, жестоких разборок в подворотнях да вчерашнего необъяснимого припадка старосты класса.

При воспоминании о старосте сердце Лю Чэня пропустило удар.

Поведение вчерашнего безумца пугающе точно совпадало с повадками тех тварей, что сейчас терзали людей внизу. Лю Чэнь зажал рот ладонями, боясь издать даже малейший звук. Не смея пошевелиться, он во все глаза смотрел на разворачивающуюся катастрофу.

На лужайке, за спиной у Гу И, стоял смертельно бледный Сяо Ци. Юноша судорожно зажимал ладонью кровоточащую рану на шее. Разум его отказывался верить в происходящее.

«Почему? Почему всё это происходит со мной?!» — билась в его голове паническая мысль.

Ведь это был его день! Праздник в честь его совершеннолетия, триумф, ознаменовавший окончательное изгнание никчёмного Гу Ци из семьи! Этот вечер должен был стать величайшим моментом его триумфа, так почему же он превратился в кошмар наяву?!

<http://bllate.org/book/18976/2160598>